

Код «Орфей»

Из цикла «Орфей». Книга первая
Владимир Караконстанти́н

Владимир Караконстантин

Код «Орфей»

«Автор»

2025

Караконстантин В.

Код «Орфей» / В. Караконстантин — «Автор», 2025

Сентябрь 1940 года. Балтийское море — тихое и холодное. Советский сторожевой корабль «Смелый» фиксирует загадочный радиосигнал: кодовое слово «Орфей». Это — начало операции, о которой в Москве пока не знают. В Швеции под чужим именем живёт профессор, беглец из Германии. Его дочь и маленький сын становятся мишенью нацистской разведки. Пленники на борту немецкого пассажирского судна, они — ключ к ловушке, призванной столкнуть великие державы в новом витке войны. Советский чекист Павел Логинов оказывается втянут в чужую игру, не зная, что его союзники и враги меняются местами. Вода вокруг холодна, но предательство — ещё холоднее. Код «Орфей» — шпионский роман о море, войне и цене, которую платят за спасение тех, кого любишь.

© Караконстантин В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Код «Орфей». Части 1 и 2	5
Глава 1.	6
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава	20
Глава 5.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Караконстантин

Код «Орфей»

Код «Орфей». Части 1 и 2

Часть

I

.

Глава 1.

Сентябрь 1940-го.

Европа уже пылала войной, и Балтика, формально ещё мирная, жила в тени большой политики: Латвия всего несколько месяцев назад вошла в состав СССР, порты и причалы обросли новой охраной, а в прибрежных закусочных шёпотом говорили о движениях немецких крейсеров у датских проливов. Утро в Лиепае выдалось пасмурным, но тихим — редкость для прибалтийской осени. Гавань ещё дремала в сизом мареве тумана, в котором звуки глушились и становились вязкими, как густой мёд. Мачты стоящих у причалов судов терялись в сером тумане, изредка прорезаемом гудками буксиров и отдалённым стуком молотков со стороны верфи.

Сквозь эту завесу «Смелый» — сторожевой корабль СКР-22 — медленно шёл своим ходом на внешний рейд, покачиваясь на лёгкой зыби. Его стальной корпус, влажный от ночной росы, проблёскивал под тусклым светом солнца, едва пробивавшегося сквозь облака, и казалось, что сам воздух пропитан ожиданием предстоящего перехода.

На траверзе, чуть впереди, шло советское торгово-дипломатическое судно «Коминтерн» — массивный, с красным флагом на кормовом флагштоке и белыми полосами по борту. Его грузовые трюмы были забиты ящиками с дипломатической почтой, а на верхней палубе прогуливались люди в гражданской одежде — делегация Наркомата внешней торговли, отправленная на переговоры в Стокгольм.

Формально «Смелый» должен был сопровождать советский пароход до выхода в международные воды, но в штабе знали: на борту у него были и другие задачи. В последние месяцы несколько сторожевых кораблей, действовавших в акватории Северного и Балтийского морей, несли не только охрану торговых судов, но и работали как плавучие радиопосты. Их операторы вели непрерывное прослушивание немецких военных частот, фиксировали позывные, время и направление передач, чтобы на берегу могли строить картину активности Кригсмарине. «Смелый» был одним из таких кораблей. И именно его выход совпадал с полученными в Москве данными, которые связывали предстоящий маршрут с приоритетной операцией Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, ведавшего внешней разведкой. Уже более полугода там разрабатывали план по линии Третьего Рейха — тщательно продуманную операцию, целью которой значился известный профессор русского происхождения, специалист в области физики и военно-морских технологий.

Родившийся в Санкт-Петербурге и окончивший Политехнический институт, а затем оказавшийся в эмиграции после Гражданской войны, он долгие годы работал в Германии в Берлинском университете, специализируясь на математическом моделировании и конструировании систем гидроакустической защиты подводных лодок. Эти разработки считались крайне важными для будущей безопасности советского флота и представляли собой ключ к пониманию новых методов противодействия подводной угрозе. В штабе подчёркивали: его поиск и возможный перехват технологий относились к приоритетам, от которых зависела устойчивость обороны страны на морских рубежах. Однако сведения, полученные советской разведкой от своих резидентов в Германии, были весьма скудны: за несколько лет назад профессор сумел выехать в нейтральную Швецию, формально по линии научного обмена, и с тех пор жил под защитой нейтрального статуса, продолжая работать над своими разработками. Эта деталь, о которой в Москве знал очень ограниченный круг лиц, делала задачу по его поиску куда более

сложной, превращая её в тонкую игру разведок, где на кону стояли не только чертежи и формулы, но и политический престиж страны.

В рубке «Смелого», возле радиостановки, находился старший лейтенант госбезопасности Павел Логинов.

Высокий, подтянутый, с прямыми плечами и спокойной осанкой, с внимательным, чуть прищуренным взглядом, в котором иногда проскальзывала сухая ирония, а временами — холодная отстранённость, свойственная опытному чекисту. Он умел быть вежливым, но не всегда обходительным; в спорных вопросах упрямылся, а при начальстве держался сдержанно и аккуратно, словно каждое слово и жест проходили внутреннюю проверку перед тем, как выйти наружу.

Здесь, на «Смелом», формально над ним стоял командир корабля, капитан второго ранга Николай Журавлёв — опытный моряк и боевой офицер, участник Советско-финской войны, человек с твёрдым, волевым характером и репутацией авторитетного командира. При этом Логинов имел в кармане поручение, вес которого на флоте понимали мгновенно, и это поручение невольно ставило их в сложные, почти равные позиции. В таких случаях подчинённость была делом условным: каждый выполнял своё, и только в штабе знали, чьи распоряжения имеют больший авторитет.

Официально Павел Логинов числился в составе экипажа как офицер по морской радиосвязи в звании старшего лейтенанта государственной безопасности — представителя НКВД, включённого в поход для «особого контроля» маршрута.

Службу он знал досконально, а морскую обстановку умел чувствовать так же тонко, как радист ловит перемену в шуме эфира. Его руки лежали на краю карты, и время от времени он, не спеша, делал пометки мягким карандашом, словно фиксировал не только координаты, но и собственные выводы о происходящем.

Там же в рубке, кроме Логинова, находились и вахтенный штурман — лейтенант Дмитрий Егоров, крепкий темноволосый парень лет двадцати пяти, с внимательным взглядом и чуть нахмуренным лбом, сосредоточенно следивший за курсом, и старшина второй статьи, радист Николай Кравцов — худощавый, невысокий, с быстрыми руками и цепким взглядом, сидевший у пульта и вполголоса комментируя эфир. Егоров стоял у правого борта, то и дело поднося бинокль к глазам.

— Видимость две-три мили, туман держится, но уже начинает рассеиваться, — доложил Егоров сухо, но без излишней резкости, отстраняя бинокль и протирая линзы.

— Выполняем походное задание по плану, — подтвердил Логинов, взгляд его оставался на карте. В голосе — уверенность человека, привыкшего руководить. — Товарищ Кравцов, что по эфиру?

— Чист, товарищ старший лейтенант госбезопасности, — ответил радист, чуть обернувшись от пульта. — Только береговые маяки и обычный портовый обмен.

— Дальних военных или морских станций нет? — разведчик поднял глаза. — Позывные Киля, Копенгагена, Осло? Что-нибудь необычное?

— Нет, товарищ старший лейтенант. В этот раз даже немцы молчат, — Кравцов понизил голос, словно делился не вполне приятной догадкой. — Будто все разом взяли паузу.

— Игнорировать такие моменты нельзя, — сказал Логинов. — Помните, товарищи, в эфире тишина редко бывает случайной.

— Может, и мы для них просто силуэт в тумане, — заметил вахтенный, не отрываясь от бинокля.

— Товарищ лейтенант, продолжайте вести наблюдение, — скомандовал Логинов. — Наша задача — довести «Коминтерн» без происшествий. Любое неожиданное сближение пре-

секать до того, как оно станет угрозой. Так, хорошо. Я отлучусь на некоторое время, товарищи. Держите наблюдение и эфир под контролем.

— Есть, товарищ старший лейтенант! — одновременно вытянулись вахтенный штурман и радист. Логинов, едва заметно кивнув, развернулся и вышел из рубки, его тяжёлые шаги глухо отдавались по стальному настилу коридора.

Мимо него прошли двое матросов с катушками стального троса. Запах солёной влаги и машинного масла тянулся за ними, вплетаясь в аромат крепкого корабельного чая, доносящегося из камбуза. На палубе слышался редкий лязг металла о металл — швартовые готовили к уборке, проверяли леера.

За иллюминаторами советского сторожевика серое море и небо сливались в одну плоскость. На горизонте, словно расплывчатая тень, маячил силуэт «Коминтерна».

Логинов, пройдя по узкому длинному коридору, постучал в дверь каюты командира и, услышав «войдите», открыл дверь. В тесном помещении, заваленном картами и сводками, капитан второго ранга Николай Степанович Журавлёв поднял глаза от бумаг.

— Доброе утро, Павел Ефимович, — кивнул он, предлагая стул. — Как ваши дела? Освоились на борту?

— Доброе, Николай Степанович. Осваиваюсь понемногу, спасибо. — ответил Логинов, садясь. — Погодка конечно, я вам скажу... Туман, пронизывающий стылый ветер и мелкая морось... В этом районе всегда так, товарищ капитан?

— Да, так и есть, — кивнул капитан. — Здесь погода редко меняется — почти всегда туман и ветра.

Журавлёв, откинувшись на спинку стула, спросил, глядя Логинову прямо в глаза:

— Скажите, Павел Ефимович, и всё же... ваше присутствие на борту — это только связь? Или ещё что-то, о чём мне не положено знать?

Логинов встретил его взгляд спокойно. Мысли скользнули: капитан понимает больше, чем говорит, и, возможно, опасается, что «чекист на борту» — это возможный «колпак» для него самого. Логинов, как опытный разведчик, не спешил с ответом. Он хотел немного потянуть время, прикидывая, что именно мог иметь ввиду капитан своим вопросом.

— Не возражаете, Николай Степанович, если я закурю?

Капитан коротко кивнул:

— Да, пожалуйста.

Логинов достал из кармана плоский портсигар, щёлкнул крышкой, выбрал папиросу и чиркнул спичкой. На мгновение в каюте запахло серой и табаком. Сделав первую затяжку, он задержал дым, наблюдая за выражением лица Журавлёва, и лишь потом, медленно выпустив его, произнёс:

— Как бы вам сказать, Николай Степанович... Связь — это очень важная работа в такое время, когда вокруг нас уже полыхает мировая война и каждое сообщение может изменить чью-то судьбу, — сказал он наконец, чуть смягчив тон. — А что до остального...

Логинов снова замолчал, подумав, что в случае серьёзной разработки и получения реального задания союзник в лице командира корабля точно не будет лишним, хотя озвучивать это вслух капитану было рискованно.

Взвесив все внутренние «за» и «против», он достал из кожаной планшетной сумки папку, и положив её на стол, на мгновение замер, словно решая, стоит ли раскрывать содержимое. Информация имела гриф секретности, а капитан сторожевика, как обычный офицер ВМФ РККА к ней допущен не был.

— Николай Степанович, я прошу отнестись к данной информации максимально серьёзно и, надеюсь, вы понимаете, что, если наш разговор уйдёт за пределы данной каюты, для нас обоих это закончится одинаково: трибуналом и расстрелом.

Он не вздрогнул от этих слов, лишь чуть сузил глаза и посмотрел на разведчика ещё более пристальнее, словно пытаясь прочесть между строк его намерения.

— Я вас понял, Павел Ефимович. И внимательно слушаю.

Логинов докурил сигарету, стряхнул пепел в тяжёлую морскую пепельницу, стоявшую на краю стола, аккуратно прижал окурок к краю и погасил его. Затем он отодвинул пепельницу чуть в сторону, потянулся к папке, уже лежавшей на столе. Логинов начал неспешно перебирать вложенные в неё листы: машинописные справки, донесения, вырезки из радиограмм. На одном из документов он задержал взгляд, приподнял его двумя пальцами, чуть сдвинул остальное в сторону и, протянув капитану, негромко произнёс:

— Вот, товарищ капитан, ознакомьтесь.

Журавлёв принял лист, взглянул на него внимательно, затем неторопливо достал очки из нагрудного кармана и, водрузив их на переносицу, начал читать, не произнося ни слова. Логинов не стал ждать реакции. Он сцепил руки в замок, откинулся чуть на спинку стула и, выдержав паузу, начал:

— Есть оперативная информация из Главного управления госбезопасности. Причина моего присутствия на борту напрямую связана с этой задачей. По линии «беглых учёных» в Третьем Рейхе разрабатывают одного специалиста по гидроакустике и защите подводных лодок. Он — русский по происхождению, и по нашим данным начал работу в портах Третьего Рейха, в том числе по линии обеспечения связи «берег — море» для Кригсмарине, и его деятельность могут отслеживать именно в районе нашего патрулирования. Но детали, Николай Ефимович, увы, раскрыть никак не могу — государственная тайна, уж поймите.

Журавлёв кивнул. Казалось, он пытался уловить не столько смысл, сколько подтекст — то, что оставалось за словами. Ещё раз пробежав текст документа глазами, капитан выпрямился и чуть прищурившись, спокойно произнёс:

— Я всё понял, товарищ старший лейтенант. Делайте свою работу, но лично я, со своей стороны очень надеюсь, что в этом походе никаких неожиданностей не возникнет.

С этими словами капитан чуть отвёл взгляд, на секунду задумался, глядя в мутное стекло иллюминатора, и добавил:

— Всё-таки хотелось бы провести рейс спокойно, без сюрпризов.

Но словно в насмешку над его надеждой, в каюте раздался резкий гудок с рубки. Журавлёв мгновенно потянулся к переговорной трубке:

— Журавлёв слушает.

— Товарищ капитан, это дежурный радист Кравцов. Докладываю: зафиксирована активность немецкой радиостанции, одна из зашифрованных линий. По характеру передачи — очень похоже на абверовскую работу. Сигнал нестабильный, но устойчив. Продолжается уже с минуту.

— Ясно, товарищ старшина. Продолжайте наблюдение и прослушивание, без меня ничего не предпринимать.

— Есть, товарищ капитан! — отрапортовал в трубку радист.

Капитан повернул голову к Логинову. Тот поднялся почти одновременно со звонком — без лишних слов, точно уже знал, что следующим будет его ход.

Глава 2.

Берлин, сентябрь 1940 года. Главное управление имперской безопасности (РСХА), VI отдел — СД «Заграница».

Внешняя разведка СД, входившая в состав Главного управления имперской безопасности — была одной из самых закрытых и аналитически сложных подразделений нацистского государственного аппарата. Её задачей была работа с угрозами за пределами Рейха, сбор информации, проникновение, дезинформация и непосредственно разведка во многих странах мира.

К тому времени Германия уже развязала войну, охватив своими танковыми клещами Польшу, а вскоре — и значительную часть Западной Европы. Границы были размыты, альянсы — хрупки. Именно в этих условиях внешний отдел СД становился особенно значим: не просто наблюдать, но и влиять, манипулировать, опережать.

Центр таких операций располагался в Дворце принца Альбрехта, на Вильгельмштрассе, 101 — здание, за фасадом которого скрывался целый механизм расчёта, стратегий и тончайших интриг. Здесь создавались планы, на которые опиралась внешняя политика Третьего Рейха в самых уязвимых её точках. Разведка не прощала ошибок — но и не делала их дважды.

В одном из приглушённых, полутёмных кабинетов, окна которого выходили на узкий переулок с тускло мерцающими фонарями сидел штурмбаннфюрер СС Курт Вебер — начальник оперативной группы по работе с зарубежными учёными и научными кадрами, представляющими интерес для рейха. Высокий, точёный, с лицом, в котором эмоция была бы неуместна. Волосы зачёсаны назад, форма — выверена до мелочей, пуговица к пуговице. Вебер двигался как часовой механизм, в котором не было места случайному жесту.

Интеллектуал по воспитанию, рационалист по складу ума. В СС он вступил не сразу — и не ради карьеры. Для таких, как он, СС было не службой, а системой координат, почти орденом. Здесь всё подчинялось ритуалу, дисциплине, иерархии — то, что Вебер ценил выше всего. В его мире логика вытесняла сомнение, порядок подменял сострадание. Он не мечтал — он проектировал.

Сейчас перед ним на столе лежала папка с грифом «streng geheim» — совершенно секретно. Обложка её была уже слегка подтрёпана: за последние месяцы он возвращался к ней не один раз. Бумага пахла влагой и чем-то едким — стойкий, архивный запах старой канцелярии и затхлых помещений, где слишком долго не открывали окна.

Оперативное досье СД на профессора Арёфьева, Филиппа Евгеньевича.

Год рождения: 1875. Место: Санкт-Петербург, Российская империя. До 1917 года — профессор кафедры физики Петербургского университета. С 1920 года — эмигрант. Преподавал в Сорбонне, затем — в Берлинской академии наук. Область знаний: гидроакустика, теория военного применения подводных лодок, методы подводного слежения. После прихода национал-социалистов к власти — интернирован как политически неблагонадёжный. Впоследствии перемещён по линии СД. Согласился на сотрудничество. Мотив: члены семьи в заложниках, включая дочь Эльзу Арёфьеву (1913 г.р.) и супругу. По доносам завербованных агентов гестапо — наличие еврейских корней подтверждено архивами.

Вебер, не торопясь, сосредоточенно пролистывал папку, пробегая взглядом по вложенным в неё листам и документам — донесениям, справкам наружного наблюдения, шифровкам и агентурным сводкам. Его пальцы скользнули по переплёту — точно и спокойно, как будто проверяя, всё ли ещё на своих местах, всё ли под контролем. Он не забыл того дня, когда узнал о побеге именитого учёного — момент, ставший для него личным поражением, которое он скрывал даже от самого себя.

Октябрь 1939 года. Германия уже вела войну, и хаос боевых действий начал пронизывать всё — от линии фронта до канцелярий служб безопасности. Некоторые архивы эвакуировались, система наблюдения трещала, а на местах царила сумятица вспыхнувшей войны. Именно в этот момент Арефьев исчез. Ушёл — вместе с дочерью и внуком. Не было ни приказов, ни прямых следов. По всей видимости, он воспользовался гуманитарным коридором Красного Креста. Возможно, маршрут готовился заранее. Агентурные источники указывали на то, что кто-то из их связей за границей — возможно, через преподавательскую сеть или эмигрантские круги — помогли ему. Для СД и для штурмбаннфюрера Курта Вебера, курировавшего дело профессора, это стало ударом. Провал, зафиксированный в отчётах, но по-настоящему — в тени кабинета, где на карту была поставлена репутация.

Но Вебер, несмотря на выговор, остался на посту. Не по снисхождению, а потому, что в управлении СД понимали: лучшего специалиста по работе с учёными у них нет. Вебер был на хорошем счету у своего начальника, Бригадефюрера СС Хайнца Йоста, и даже провал с Арефьевым не убавил его репутацию.

Он умел держать свою линию, собирать сведения, рационально вести разработку дела до конца. Но именно провал с Арефьевым он сумел обратить в основу новой комбинации — тщательно просчитанной операции, получившей одобрение сначала у Хайнца Йоста, а затем и у начальника РСХА Гейдриха. Так родилась «Балтийская петля» — замысел, в котором переплелись его опыт, холодный расчёт и желание реванша. Цели были чётко определены: выманить профессора из укрытия, где он скрывался, посредством похищения из Швеции его дочери и внука — как приманку, способную вынудить его сделать шаг, на который он бы никогда не решился; раскрыть каналы советской и британской разведки; провести провокацию столь масштабную, чтобы она переросла в дипломатический скандал и могла подтолкнуть противника к резким шагам, бьющим в самые уязвимые точки его политической позиции. Часть плана уже была реализована, и теперь Вебер ждал сигнала о начале морской перевозки, который должен был стать спусковым крючком всей комбинации. Но, как бы ни был велик масштаб, для Вебера эта операция оставалась способом смыть болезненный рубец личного поражения.

Размышления Вебера прервал негромкий, но отчётливый стук в дверь — ровный и выверенный, как всё в этом здании. Он поднялся, машинально поправил и без того безупречный мундир, и только потом коротко бросил:

— Входите, — сказал он, не поднимая взгляда.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл оберштурмфюрер СС Генрих Райнц, оперативный референт группы по работе с агентами в подразделении Вебера. Должность, на первый взгляд, канцелярская, но на деле требовавшая постоянных выездов, встреч с агентурой и наблюдения за объектами в разных городах. Прямой, подтянутый, с выражением скорее настороженным, чем холодным. В работе — аккуратен и исполнительный, не склонный к лишней инициативе, но при этом безукоризненно выполняющий приказы. В быту ничем не выделялся, напоминая одного из множества служащих, готовых затеряться в толпе таких же, как он. В СД ценили его как цепкого и выученного исполнителя, внимательного к своим подчинённым и не стремящегося перетянуть внимание на себя. Вебер знал его не первый год и имел все основания доверять ему.

— Хайль Гитлер, господин штурмбаннфюрер! — чётко отрапортовал Генрих, вытянувшись в строевую стойку.

— Хайль! Докладывайте, Райнц.

— Получена радиограмма с «Норланда», господин штурмбаннфюрер, — начал Райнц. — Код «Орфей-1» принят по закрытому каналу нашей станции «Север». Судно покинуло Стокгольм по расписанию, держит курс на Киль. Операция «Балтийская петля» официально перешла в активную фазу.

Вебер слегка кивнул. Он ждал именно этого условного подтверждения: короткий, зашифрованный пакет данных, который мог быть понят только посвящённым. Он знал, что дочь профессора и её сын уже тайно вывезены из Швеции. На бумаге всё выглядело безупречно: по поддельным документам они числились этническими немцами, переселенцами, желающими вернуться на родину по гуманитарной линии. Пограничный контроль пройден без вопросов — за этим стояли люди Райнца, действовавшие через нейтральных посредников. А теперь, на борту «Норланда», Эльза официально значилась частным пассажиром, купившей билет на собственные средства, но на самом деле — находилась под непрерывным контролем двух агентов СС.

— Позиция в данный момент? — спросил Вебер, поднимая глаза на подчинённого.

— На подходе к Готланду, идёт точно по графику. Радиомолчание соблюдается. Капитан предупреждён, и действует по инструкциям. Фрау Арефьева не сопротивляется, но всё время молчит. Наши агенты работают с ней достаточно аккуратно. Ребёнок спокоен, по всей видимости, не осознаёт происходящего.

Вебер чуть откинулся в кресле, прикрыв глаза. В его лице появилась едва уловимая тень удовлетворения.

— Значит, Генрих, Орфей снова зазвучал, — произнёс он негромко, словно сам для себя.

Он поднялся и подошёл к окну. За стеклом над Берлином висело мрачное, тяжёлое осеннее небо. На улице было тихо. Тишина была плотной и ровной, словно в ней чувствовался нарастающий порядок, возвращающий всё на свои места.

— Проследите, чтобы «Норланд» не потерял ни минуты, — произнёс Вебер, не оборачиваясь. — Под вашу личную ответственность. Русские и британцы должны увидеть ровно то, что мы им приготовили.

— Так точно, господин штурмбаннфюрер. Операция выполняется строго по плану, без отклонений.

— Хорошо. Скажите, Райнц, наблюдается ли активность русской или британской разведки в районе? — спросил он, переводя взгляд на своего сотрудника.

— Никак нет, господин штурмбаннфюрер. В данный момент — тишина. Ни перехватов, ни визуального присутствия. Наши радисты ведут постоянное прослушивание, и кроме того, судовой радист и старший помощник на «Норланде» — наши агенты, из нашего ведомства.

Вебер кивнул, задержав взгляд на офицере чуть дольше.

— Это хорошо. Очень хорошо. Поддерживайте постоянную связь. Мы не должны ничего упустить. Я полностью уверен, что они поведутся на нашу наживку. Нужно только лишь чуть подождать. А чем тише сейчас — тем громче удар в будущем. Помните об этом, Райнц, — сказал он, про себя вспоминая слова Бисмарка: «Великую политику делают в тишине, а гремят лишь последствия».

— Я всё понял.

— И ещё, Райнц... никаких осечек. Мы не имеем права на ошибку.

— Допуск к деталям операции, как вы знаете, имеет очень ограниченный круг людей. Вся информация передаётся строго по закрытым каналам связи. Наши агенты из моего подразделения — профессионалы высшего уровня. Я лично одобрял каждую кандидатуру. Можете быть уверены, господин штурмбаннфюрер — операция и в дальнейшем будет идти строго по плану.

— Хорошо. Вы свободны, Райнц. Любую активность докладывать лично мне и немедленно. В любое время.

— Есть! Хайль Гитлер! — вытянулся оберштурмфюрер СС Райнц, вскидывая руку в нацистском приветствии, с отточенной механикой жеста, как того требовал устав СС.

Райнц развернулся, покинул кабинет, бесшумно закрыв за собой дверь.

Вебер задержался у окна, ещё раз окинув взглядом пустынную улицу, затем подошёл к телефону и поднял трубку, набрав номер своего непосредственного начальника. Дождавшись ответа секретаря и соединения с кабинетом бригадефюрера, произнёс:

— Господин Бригадефюрер Йост? Хайль Гитлер! Докладывает Вебер. «Балтийская петля» в активной фазе. Код «Орфей-1» подтверждён. Да, Бригадефюрер. Да. Так точно. Он только что вышел, господин Бригадефюрер. Да. Хайль!

Вебер аккуратно положил трубку на рычаг, задержав взгляд на аппарате, словно дослушивая в тишине отзвуки разговора. Несколько секунд он стоял неподвижно, затем, медленно выдохнув, вернулся к столу, чувствуя под ладонями холодную гладь лакированной поверхности. На столе перед ним лежала папка — та самая, с которой всё началось. Он протянул руку, перелистнул её неторопливо, как бы ещё раз проверял каждую строчку, каждое имя и дату, закрепляя в памяти детали. Листы тихо шуршали, словно напоминая о невидимой цепочке людей, кодов и приказов, запустивших эту сложную и коварную операцию.

Дойдя до конца папки и задержавшись на другой стороне обложки, Вебер собственноручно вывел одно-единственное слово:

ORPHEUS.

Балтийское море в послеобеденные часы уже теряло дневную прозрачность и к началу сумерек казалось плотным и тяжёлым, с влагой и холодом в воздухе. Туман полз низко, цепляясь за леера и бортовые фальшборта, обволакивая палубу «Смелого» холодной ватой. Впереди, на линии горизонта, едва проступали размытые очертания «Коминтерна», который они сопровождали: контур корпуса и бледное мерцание бортовых огней угадывались сквозь серую дымку. А здесь только рубка «Смелого», светящаяся мягким электрическим светом, вырвалась из сумерек, как тёплый остров в ледяной пустоте.

Логинов стоял у штурманского стола с картами и сводками, задумчиво следя за тусклым, чуть подрагивающим мерцанием приборов радиоустановки. Вместе с ним находился капитан второго ранга Журавлёв — они только что поднялись из капитанской каюты по вызову вахтенного помощника.

В рубке была рабочая атмосфера: стоял негромкий гул оборудования, слышался шелест бумаги в руках штурмана, мерный треск радиостанции, а под ногами ощущалась лёгкая вибрация корпуса — отчётливое ощущение работы машин, передававшейся через переборки и смешивавшейся с рокотом волн.

Здесь же, в тени настольной лампы, склонившись над пультом, сидел радист старшина Кравцов — наушники глубоко вдавлены в уши, пальцы бегают по ключу с едва заметным дрожанием, а лицо застыло в той особой сосредоточенности, когда весь его мир сводится к одному лишь треску эфира.

— Товарищ капитан... Товарищ старший лейтенант госбезопасности, — сказал он приглушённым голосом, но с той особой интонацией, от которой любой командир сразу настораживается. — Мы только что перехватили несколько сигналов на немецких военных частотах. И это не обычные передачи Вермахта или Кригсмарине — а выделенный, сложный шифр, к

которому ещё предстоит подобрать ключи, причём зашифрован он серьёзно и предназначен явно для узкого круга адресатов.

Логинов медленно подошёл, его шаги глухо звучали по резиновому покрытию палубы. На столе радиста, среди карандашей, замусоленных блокнотов и пустой эмалированной кружки, лежала свежая лента с распечатанными символами немецкого кода. Кравцов поднял взгляд — усталые глаза с покрасневшими веками, но в них горел живой, охотничий блеск.

— Сможешь подобрать нужный ключ? — спросил Логинов сдержанно, будто боясь спугнуть удачу.

— Думаю да, товарищ старший лейтенант, — губы радиста тронула кривая улыбка. — Чёрт знает, как, но у меня под рукой оказались кое-какие шифры. Я тут поковырялся, Павел Ефимович... Предстоит ещё покорпеть, но мне уже удалось вытащить из этих обрывков одно слово — «Орфей». Странное какое-то, товарищ старший лейтенант... Что оно значит, не знаю, но выглядит, как будто ему придавали особое значение.

Слово ударило в Логинова, как глухой колокол, отдаваясь в висках. Он мгновенно отвёл взгляд в сторону, рассматривая пустой угол рубки, чтобы Кравцов не заметил короткой, опасной вспышки в глазах. Для экипажа это было просто странное слово в перехваченном коде. Для него — сигнал, за которым стояла история, известная только ему.

— Это ещё не всё, — тихо добавил Кравцов, чуть приподняв бровь и поправляя наушники. — Во время эфира я успел снять пеленг по передаче. У него есть очень явный источник — по транспортным сводкам и расписанию ближайших портов — это крупное немецкое судно. Вышло из порта Стокгольма и направляется в Киль. Вот, взгляните, Павел Ефимович, — с этими словами он придвинул к Логинову лист транспортной сводки, в которой значились отправления и прибытия судов из Швеции. Время сходилось лишь по одному пункту — большому немецкому пассажирскому лайнеру «Норланд».

В рубке стало особенно тихо. Даже туман за стеклом будто замер, прислушиваясь к происходящему. Логинов почувствовал, как в груди нарастает то особое чувство, которое бывает перед началом серьёзной операции — смесь холода и сосредоточенности.

— Свяжите меня с Центром, — произнёс он негромко, но так, что в его голосе звучала стальная уверенность. — Немедленно.

Глава 3.

Москва, Лубянка. Сентябрь 1940 года.

Большой кабинет начальника Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел дышал ровной, настороженной тишиной тех учреждений, где слов всегда меньше, чем решений: высокие окна лили в комнату бледный дневной свет, под ним матово поблёскивало зелёное сукно длинного стола; карта Балтики на стене была утыкана булавками и флажками с мелкими карандашными пометками на полях; рядом стоял правительственный телефон закрытой связи; стеклянный графин с водой оставлял на сукне бледный круг, будто след недавнего дождя. В воздухе стоял сухой канцелярский дух: табак, бумага и лёгкий привкус металла от аппаратуры.

Во главе стола сидел начальник ГУГБ, первый заместитель наркома НКВД СССР, комиссар государственной безопасности второго ранга Всеволод Николаевич Меркулов — плотной посадки, со спокойным тяжёлым взглядом человека, который привык распоряжаться не тоном, а смыслом. Волосы зачёсаны назад; когда он поворачивал голову, крупные пуговицы кителя заметно блестели, и становилось ясно: всякое «да» и всякое «нет» в этом кабинете будет произнесено негромко, но точно будет услышано всеми, как неоспоримый приказ.

Справа от него сидел комиссар госбезопасности третьего ранга Павел Михайлович Фитин, начальник пятого отдела (Иностранная разведка) ГУГБ НКВД — молодой, собранный, с широким лбом и короткой стрижкой, где чёткий пробор подчёркивал аккуратность, а прядь у виска была приглажена привычным движением. Губы полные; взгляд спокойный и тяжелеющий в паузе. Говорил он без бумаги, так, будто все цифры лежали не в папке, а у него перед глазами; редакторская выучка слышалась с первой фразы: сначала выводы короткой прамбулой, затем подробности, аккуратно разложенные по полочкам.

Рядом с ним — капитан госбезопасности Александр Смолинцев, руководитель оперативной агентурной группы в Германии и по совместительству офицер связи с флотом: тонкий профиль, записная книжка, положенная поперёк ладони, и привычка мгновенно фиксировать чужие слова своими аккуратными строками.

Слева сидел капитан второго ранга Военно-морского флота Андрей Николаевич Сафронов, начальник особого отдела штаба Балтийского флота. Морская выправка сдерживала каждое движение; лицо пересекала бурая полоса загара, у левой брови белесой ниткой тянулся осколочный шрам, а когда он слегка поворачивал плечо, под воротом на мгновение проступал втянутый рубец у ключицы — память о последствиях финской войны. Сафронов слушал в пол-оборота, как у стола оперативной сводки: взгляд — на собеседнике, мысль — уже в схеме связей и строках примечаний.

Чуть дальше — старший майор госбезопасности Пётр Сергеевич Артемьев, начальник УНКВД по Ленинградской области: крупная фигура, широкая ладонь, голос с хрипотцой петербургской сырости; его люди отвечали за широкий спектр задач: контрразведывательное обеспечение береговой зоны и портового хозяйства, радиопеленгацию и радиоконтроль, наблюдение за гаванями и фарватерами, узлами железной дороги и судоремонтными мастерскими; через его стол проходили пропуска, паспортный режим, фильтрация «гуманитарных» пассажиров, агентурные сведения с причалов и из лоцманских служб.

У дальней стены стояли адъютанты; в конце кабинета — отдельное рабочее место для стенографисток и машинисток: столы, стенограф, пишущие машинки; у ближней стены возле входа в кабинет — оперативный дежурный по Управлению.

— Добрый день, товарищи, — начал Меркулов. — Прошу садиться. Совещание закрыто, стенография ведётся; режим обычный: правительственная линия — по моему распоряжению. Повестка на сегодня, товарищи: Балтика и север нашей страны — обстановка и оценки по линии разведки и контрразведки, исполнение текущих мероприятий на море и на берегу. Сначала общий фон, затем — к частностям по докладчикам. Начнёт пятый отдел. Павел Михайлович, прошу.

— Есть, — откликнулся Фитин. Он придвинул папку, но оставил её закрытой и начал неторопливо, с тем спокойствием, которое рождается из дисциплины и порядка. — По Балтике, товарищ комиссар, работаем по утверждённым планам и операциям, провалов не отмечено. По линии ИНО ведём широкую агентурную работу в Германии и нейтральных странах — уже внедрены нелегальные резиденты, работают и передают важные сведения. Агентура сети «Эталон-3» (Берлин, научные круги) обеспечивает доступ к научно-технической среде; связка «Узел-7» и «Рейд» (порты и портовые сооружения) — к служебным помещениям и администрациям портов. В новых республиках формируем легальные прикрытия и перепрофилируем старые связи: кадровые замены в портах и почтово-телеграфной сети, фильтрация контактной среды. Британское присутствие отслеживаем по линии миссий и торговых представительств: работают «в белую», осторожно; попытки контактов фиксируем. Каналы переброски и конспиративные адреса поддержаны через благотворительные комитеты, культурные общества и «учёные конференции» как витрину. В целом, товарищ комиссар, — ситуация контролируемая и фон устойчивый; работаем по планам, — закончил Фитин, чуть отодвинув папку и скользнув взглядом по стенографистке.

Меркулов коротко кивнул; взгляд на миг задержался на его папке и на карте Балтики, рука легла ребром на край стола, будто фиксируя сказанное.

— Порядок понятен, Павел Михайлович. По линиям нелегальных резидентов и контактной среды в Германии я бы хотел... — настольный телефон коротко дрогнул и зазвенел; Меркулов прервал фразу, положил ладонь на трубку и уже собирался продолжить, но телефон у края стола звякнул ещё настойчивее. Он снял трубку:

— Меркулов слушает. Да. — Пауза. — Дежурный пятого? Да, начальник у меня. Что за срочность? — Он слушал, глядя на карту Балтики. — Из Балтийской радиогруппы говорите... Как вы сказали, сторожевик «Смелый»?

Ладонь легла на микрофон, голос стал тише, обращённый уже к столу:

— По вашему ведомству, Павел Михайлович: дежурный докладывает — срочная шифровка из Балтийской радиогруппы, со сторожевика Балтийского флота.

Он отнял ладонь от трубки и закончил коротко:

— Принесите в мой кабинет немедленно. Прямо на совещание, через приёмную. Да, под роспись. — И вернул трубку на рычаг.

— Пятый отдел и особый отдел штаба флота — доложите по этому делу. Кратко: что имеем и что делаем, прогресс в данный момент, — сказал он, переводя взгляд на Фитина и Сафронова.

— Это по линии учёных, товарищ комиссар. — начал первым Фитин. — Работа идёт более полугода. Цель прежняя: профессор русского происхождения, физик, специальность — военно-морской подводный флот и технологии. По линии «Эталон-3» установлено кодовое имя объекта — «Орфей»; личность подтверждена: профессор Арефьев Филипп Евгеньевич. Ранее он работал в Германии, в настоящий момент с горизонта ушёл — точное местонахождение неизвестно; вероятно, одна из нейтральных скандинавских стран, эту версию отработываем. Материалы по делу профессора проходят по линии ИНО. В кратчайшие сроки представлю развёрнутый доклад с результатами, товарищ комиссар. В данный момент, для контроля морских маршрутов и путей развёрнут «особый режим»: наши сотрудники, специалисты по связи и представители НКВД включены в поход в составе конвоя торгово-пассажир-

ских судов по линии Балтфлота. Один из них, из наших людей — как раз на «Смелом» — старший лейтенант Павел Логинов. Его задача — наблюдение и сверка графика, связь с Центром по закрытому каналу «Маяк». К настоящему времени, Всеволод Николаевич, это весь объём сведений по делу «Орфей»; работа по агентурным каналам и легальным прикрытиям продолжается.

— По флоту, товарищ комиссар, — мягко подхватил Сафронов, — конкретно по конвою торгово-пассажирских судов: работаем по согласованной с пятым отделом схеме. В Балтике выведены корабли сопровождения со специальной радиоаппаратурой для контроля эфира и перехвата; маршруты немцев отслеживаем по графикам и пеленгам. В районе внимания сейчас — несколько торговых и пассажирских судов; ведём визуальное наблюдение и радионаблюдение, фиксируем изменения курса, огней, работу шлюпбалок. СКР «Смелый» — в море, действует в составе группы охраны; связь — в закрытом режиме, без демонстрации интереса. Сближений не даём, провокаций не ищем; приоритет — безопасность наших судов и исполнение совместной операции флота и ИНО.

Стенографистка перевернула лист; в комнате на миг стало особенно тихо: кто-то выровнял лист, кто-то чуть подвинул стул. Такие короткие паузы не требовали громких слов — они лишь незаметно меняли тон разговора и расставляли акценты дня.

— Благодарю, товарищи. Дождёмся радиogramмы и разберём в порядке совещания. А сейчас продолжим по повестке: Пётр Сергеевич, доложите по берегу и по Ленинградской области, кратко. Товарищ Смолинцев, связь по флоту и радиотехническое обеспечение — по вашей части.

В этот момент дверь у оперативного дежурного мягко дрогнула; адъютант шагнул на зелёное сукно, прижав папку к груди.

— Товарищ комиссар, — сказал он негромко. — Из радиогруппы. СКР-22 «Смелый». Срочно.

— Сюда, — коротко сказал Меркулов.

Лента легла в ладонь; на полях карандашом — «Маяк» (закрытый канал «Смелый — Центр»). Ровные строки:

«Перехват закрытой передачи на немецкой военной частоте. Выделенное слово: „ОРФЕЙ“. Пеленг — на крупное немецкое пассажирское судно. По сводке отправлений/прибытия — совпадение по времени одно: „Норланд“. Прошу указаний. Логинов».

— По столу, — сказал Меркулов и передал ленту вправо. — Ознакомьтесь, товарищи.

Лента пошла по столу: от Фитина к Смолинцеву, затем к Сафронову и Артёмьеву; края бумаги тихо шуршали по зелёному сукну, на полях карандаш легонько поставил одну точку.

Сафронов заговорил первым — коротко, без нажатия, но так, чтобы каждый услышал вывод, а не только слова:

— По тексту ленты — ключевое слово «Орфей», пеленг на пассажирское судно; по времени сходится один немецкий лайнер «Норланд». Вероятность, что перевозят именно профессора, — не исключаю, но явных подтверждений у нас нет. Моё предложение состоит в том, чтобы на море резких движений не делать: держим дистанцию, наблюдаем, фиксируем. Для «Смелого» — Инструкция № 2: наблюдение, счёт, сверка с графиками; связи — только закрытым порядком, без демонстрации интереса. Сближения не допускаем.

— Не соглашусь, Андрей Николаевич, — спокойно возразил Фитин. — Нам необходимо понять, зачем немцам «Орфей» и почему именно «Норланд». Чем дальше мы остаёмся «глухими», тем меньше у нас шансов догадаться о замысле. Моё предложение — Инструкция № 1: по возможности — аккуратное сближение и проверочный контакт по легенде конвоя. Под любым безобидным предлогом: сверка радиogramфика, лоцманская проводка, уточнение сети связи. Без раскрытия принадлежности.

— Поддерживаю, — кивнул Смолинцев. — Технически можем подвести «Смелый» на дистанцию сигнального или радиоконтакта в рамках конвоя, не высвечивая интерес. Прикрытие по легенде есть; канал «Маяк» держим. Любая проверка — только как служебный обмен, не более.

— Мне кажется, надо действовать осторожнее, товарищи, — вступил Артемьев. — Мы работаем не в пустом поле. Кругом — иностранные суда нейтральных стран, да и немецкие патрули ходят, доверять им оснований нет. Да и любое заметное движение флота вызовет вопросы в портах и на берегу. При явном контакте правовой режим не на нашей стороне. Я за линию Андрея Николаевича: дистанция, наблюдение, без поводов.

Мнения разошлись; за столом потянулась плотная, деловая тишина. Меркулов не сказал ни слова — перевёл взгляд на карту Балтики и едва заметно сдвинул ближайший флажок: знак, что он всё услышал и уже складывает решение.

— Значит так, — резюмировал наконец начальник ГУГБ. — Решение такое. «Смелый» продолжает слушать эфир и вести наблюдение. В явный и намеренный контакт не вступать. При малейшем поводе с немецкой стороны — сигнал, запрос, манёвр, — действовать по Инструкции № 1: контролируемое сближение и проверочный контакт под легендой. «Норланд» сопровождать незаметно, насколько позволяет обстановка, без демонстрации интереса. Указания передать экипажу, капитану и лично Логинову. Связь — по тому же каналу, через «Маяк».

Он посмотрел на Фитина и Сафронова:

— Письменно оформить: отдельные указания по линии ИНО — вам, Павел Михайлович; по линии флота — вам, Андрей Николаевич. Как будет выполнено — доложите через дежурного.

Сказав это, Меркулов взял ручку, чуть наклонил ленту и поставил на ней резолюцию: «Получено. Осн. — Инстр. № 2. При наличии повода — Инстр. № 1. Наблюдать. Сближений без повода — не производить».

Закончив, он вернул лист на край стола и поднял глаза на присутствующих:

— Благодарю вас, товарищи. Павел Михайлович, Андрей Николаевич, — вы можете быть свободны; оформляйте указания по своим линиям, через приёмную. Пётр Сергеевич, товарищ Смолинцев, — останьтесь ещё на пару минут, по рабочим вопросам.

Стулья мягко скользнули по сукну; папки захлопнулись коротким щелчком. Фитин и Сафронов поднялись, выпрямились у стола.

— Есть, товарищ комиссар. Разрешите идти? — почти в унисон произнесли оба.

— Идите, — кивнул Меркулов.

У двери адъютант пригладил край ковра и придержал створку; офицеры кивнули начальнику и, не затягивая церемоний, вышли в коридор, где их шаги быстро затихли.

Меркулов дождался, пока закроется дверь и повернулся к адъютанту:

— Через час — совещание с начальниками УНКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Повестка: режим портов, радиодисциплина, пропускной порядок. Пригласить, подготовить соответствующие документы. Выполняйте.

Адъютант кивнул дежурному.

— Есть, — ответил оперативный дежурный.

Начальник ГУГБ НКВД СССР Меркулов задержал взгляд на большом окне, размышляя про себя: решение было не о словах, а о порядке действий — слушать эфир, держать дистанцию, входить в контакт только при явном поводе. Москва приняла решение, а исполнение его уходило на море.

Стенографистка сняла страницу и подложила чистую. В коридоре коротко щёлкнул вызов, дверь приёмной мягко встала на место. Во дворе под окнами прошла машина, и кабинет снова вернулся к будничной тишине.

Правильным ли было принятое решение? Это покажет только время. Сейчас же — работа: радиопостам, конвою, «Смелому» и Павлу Логинову. Над Балтикой сгустились сумерки, на воду ложился плотный туман; «Смелый» шёл в строю и делал своё: слушал эфир, вёл поминутные отметки и ждал явного знака

Глава

Часть

II

•

Глава

4.

Пассажирское судно «Норланд» шло на юго-запад под флагом одной из немецких судоходных компаний, принадлежавшей государственной структуре «Норддойчер Ллойд». В расписании оно значилось как регулярный рейсовый пароход для туристов и переселенцев, и в самом деле ничем не отличалось от прочих гражданских судов. Его корпус уверенно резал волну, машинный гул звучал ровно и мерно, отдаваясь в палубах лёгкой дрожью.

Для случайного пассажира это был обыкновенный рейс из Швеции в Германию: в салоне звенела посуда, дети бегали по коридору, дамы обменивались новостями. Но внимательный взгляд замечал иное: матросы на вахте были чересчур собраны, официанты — слишком молчаливы, а пассажиры передвигались с настороженностью. Атмосфера вокруг казалась напряжённой: слова произносились вполголоса, улыбки были натянутыми, а редкий смех больше походил на попытку скрыть тревогу. На столиках лежали свежие нейтральные газеты с осторожными заметками и обтекаемыми формулировками. И в действительности же этот рейс находился под негласным контролем СД: экипаж был заранее предупреждён, а в радиорубках и служебных помещениях дежурили сотрудники из ведомства и радисты в форме СС.

А восточнее, в тумане за пределом света иллюминаторов, где-то шёл другой корабль — сторожевик, в бортовом журнале значившийся «Смелым». Он держал свой ход и будто прислушивался к тому же ритму моря. Советский корабль оставался вне поля зрения, но ощущение присутствия витало — как тень, которая пока не вступила в игру.

«Норланд» был построен ещё в конце двадцатых, как типичный лайнер для Балтийских линий: около девяти тысяч регистровых тонн, две дымовые трубы, два винта. Перед самой войной его поспешно переоборудовали — лишние каюты закрыли, часть салонов превратили в складские помещения, радиорубки и небольшие госпитальные палаты, усилили переборки. Внешне он всё ещё выглядел гражданским судном, но внутри чувствовалась нарочитая строгость: коридоры стали пустыми, офицерские двери — массивнее, чем требовалось.

На «Норланде» строгого деления на первый, второй и третий класс уже не существовало — военное время упрощало всё. Теперь билеты обозначались лишь общими категориями: «салоны» и «палубный» класс. Для удобства часть помещений была условно разделена: в каютах путешествовали семьи и те, кто мог позволить себе тесное, но отдельное пространство, остальные довольствовались общими помещениями. Один из таких «салонов» — коридор ближе к корме по левому борту — был отгорожен и выделен «для особых пассажиров». Формально — ради покоя семей, фактически — ради того, чтобы не задавали лишних вопросов. Двери узких кают стояли рядами, потолки были чуть ниже, чем в парадных залах, коридор освещался электрическими лампочками под матовыми плафонами.

В одной из таких кают жила женщина, записанная в судовой ведомости как «Эльза Хартманн». За этой строкой скрывалась Эльза Арефьева — дочь немецкого профессора Филиппа Арефьева и французской пианистки; её вывезли вместе с сыном, присвоив чужую личину. На борт она попала не по своей воле.

В Швеции, разыскивая отца и пытаясь выйти на него через организацию Красного Креста, она оказалась в руках людей, выдававших себя за гуманитарных работников: её уверили, будто отец в Берлине и увидеть его можно лишь при её личном прибытии. Мнимый шанс обернулся западнёй: Эльза вместе с сыном оказалась в руках немецкой разведки. В поддельном «офисе» Красного Креста её под давлением заставили подписать документы на имя Хартманн, дав понять, что отказ будет расценён как неповиновение и приведёт к угрозе для неё и её малолетнего сына; с этого момента она фактически оказалась под надзором СД. Назад пути не было: любое сопротивление значило угрозу для ребёнка. Так она и оказалась здесь, в тесной каюте «Норланд», под чужим именем и под наблюдением.

У входа в коридор, где перевозили Эльзу, дежурили двое. Унтерштурмфюрер СС Йозеф Хартвиг и шарфюрер Рудольф Клаус. Их фигуры выделялись даже в серых плащах поверх чёрных мундиров. Старший группы Йозеф — сухощавый, подтянутый, с прямыми плечами и жёсткой линией губ; глаза его были внимательны и холодны, и казалось, он привычно вычёркивал из памяти всё лишнее. Рудольф, ниже по рангу, был широкоплечим, тяжёлым в движениях; его шаги всегда глухо отдавались в палубу, а хмурое лицо выражало постоянное раздражение, словно сама необходимость стоять здесь была ему в тягость.

Оба не числились в составе экипажа и в судовой ведомости проходили отдельной строкой. Это были сотрудники шестого отдела СД Главного управления имперской безопасности — оперативники на отдельном особом поручении. Им было поручено ответственное задание: контролировать коридор и следить за каютой Эльзы, от судьбы которой зависела целая комбинация. Хартвиг и Клаус не случайно оказались здесь — опытные сотрудники из группы оберштурмфюрера Райнца; они привыкли к подобной службе и знали цену дисциплине и молчанию. Постоянная настороженность показывала их подоплёку: за ними стояло высокое начальство, а вместе с ним — и весомая ответственность за порученное дело. Они чётко осознавали, что за любую ошибку придётся отвечать без пощады. Здесь, на «Норланде», для них существовало лишь задание — ни людей, ни разговоров, ничего постороннего.

— Проверка через несколько минут, — негромко сказал Йозеф, переводя взгляд на мутное стекло иллюминатора. — Формально, без лишних слов. Документы посмотрим — и обратно.

— «Формально, без слов»... — проворчал Рудольф, качнув плечами. — Да весь корабль уже понимает, что мы тут не зря торчим. Люди косо смотрят. Я сам слышал на палубе, шептались: мол, женщина эта и вовсе не переселенка.

— Пусть шепчутся, — спокойно, но с оттенком усталости отозвался Йозеф. — Нам приказано — мы выполняем. Самодеятельность тут смерти подобна, ты же знаешь.

Рудольф хмыкнул, поправил кобуру и, наклонившись ближе, понизил голос:

— Но ведь мы оба видели, как её в Стокгольме передали нам от Красного Креста. С бумагами, с ребёнком — всё по форме. Только сама она шла, как в воду опущенная. Я думал, рухнет прямо на трап. И глаза... Ты заметил её глаза? Там нет веры никому вокруг, а нам тем более — только непокорность и злоба.

Йозеф холодно усмехнулся, но на мгновение отвёл взгляд:

— Знаешь, верить или нет — не её дело. Райнец велел докладывать каждую мелочь без искажений. Легенда должна держаться до конца рейса. Бумаги чисты, печати настоящие — и этого достаточно. А дальше — Берлин, Вильгельмштрассе. Там уж пусть решают, что с ней делать.

— А ты знаешь, зачем она ему? — Рудольф прищурился, глядя искоса. — Мне приятели из гестапо нашептали, будто наверху задумали комбинацию. Будто её имя нужно, чтобы вытянуть кого-то поважнее. Эх... а мы вот тут пешки, Йозеф. И отвечать потом придётся нам.

Йозеф слегка пожал плечами, проверяя часы на переборке:

— Не больше знаю, чем ты. Слухи ходят: речь о каком-то профессоре. Кто он такой и зачем понадобился — не объясняют. Приказ у нас один, Рудольф: доставить её. Доставим — и точка. Остальное решат те, кто задумал всю эту игру. — Он снова глянул на иллюминатор, где сгушался туман, а дождь всё чаще барабанил по металлу.

— Да уж... и погода тоже не в нашу пользу, — буркнул Рудольф, словно подхватывая его взгляд. — Как будто само море противится этому рейсу.

Йозеф не ответил. Он только поправил плащ и сделал шаг к двери в коридор, где их уже ждала очередная проверка.

Тишина вернулась. Коридор жил лишь гулом машин, перекачывавшимся в воздухе, будто тяжёлое дыхание корабля. Лампы под потолком слегка подрагивали, и в этом дрожании чувствовалась нервозность всего рейса. Йозеф и Рудольф обменялись коротким взглядом, прежде чем постучать в дверь. За переборкой раздалось движение, металлический скрежет замка — и дверь медленно отворилась.

В проёме показалась девушка.

Эльза держалась стойко, в строгом платье из тёмной шерсти и лёгком сером жакете, слишком простом для морского рейса, но подчёркнуто аккуратном — как будто одета она уже была чужой рукой. На ногах — потёртые туфли, от долгой дороги утратившие былой блеск. Тёмные волосы были убраны назад в тугий узел, открывая высокий лоб и тонкие, упрямые черты лица. Оно было бледным от усталости, но в этом бледном овале особенно выделялись глаза — сосредоточенные, настороженные и внимательные, но живые и с тем холодным светом, что бывает у человека, который слушает и отмечает каждую деталь, не позволяя себе ни слабости, ни лишнего жеста.

Она подняла глаза, и её взгляд скользнул по лицам эсэсовцев. Он задержался лишь на миг, словно желая запомнить их черты и интонации, а затем вновь ушёл в сторону — холодный, сдержанный, как отражение её внутренней собранности. Но в этой отстранённости теплилось и нечто иное: крошечная искра надежды, будто она всё же пыталась уловить в их словах намёк на правду, которая могла касаться её отца.

— Фрау Хартманн, — произнёс Йозеф ровным, выверенным голосом. — Добрый вечер. Унтерштурмфюрер Хартвиг. Плановый обход: проверка документов и вашей каюты. Ваши проездные бумаги и паспорт, пожалуйста. Поторопитесь.

Она подала документы спокойно, без лишних движений, словно знала: малейшая эмоция будет отмечена. В паспорте значилось чужое имя — «Эльза Хартманн».

Он раскрыл паспорт, бегло пробежал глазами страницы, сверил номер с листом и вернул документы.

— Для порядка объясняю, — продолжил он тем же официальным тоном. — Вы проходите как пассажирка под специальным надзором СД до передачи в Берлине. От Киля до Берлина мы вас сопроводим. Ваша каюта покидается только в сопровождении. Обращения — через дежурного у входа. Есть вопросы?

— Значит ли это, что я здесь под арестом? — тихо уточнила она после короткой паузы.

— Скажу лишь одно: «под нашим контролем до особого распоряжения», — разъяснил Йозеф. — Этого вам будет достаточно.

— Я поняла вас. Но, господин Хартвиг, скажите откровенно: зачем я вам нужна? — её голос дрогнул, оставаясь тихим, но настороженным. — Я гражданка Рейха! Я немка! Я лишь честно пыталась найти своего отца в Швеции... Что же вам от меня требуется?

— Мы не уполномочены, фрау. Разъяснения получите по прибытии, — отрезал он. — Я не могу обсуждать с вами цели перевозки. Наше дело — ваша безопасность и сопровождение.

— Сидите спокойно — и ничего вам не будет, — буркнул Рудольф, но Йозеф остановил его коротким взглядом.

— А если ребёнку станет хуже?... — спросила Эльза. — Качка может усилиться.

— Санчасть в конце коридора, — кивнул Йозеф. — Вызов — через вахтенного матроса. Мы передадим врачу. До Киля — полтора дня пути. Следующий обход — утром. Завтрак вам подадут в каюту. Это всё.

Он отступил на шаг, оставляя пространство у двери.

Рудольф задержался, бросив тяжёлый взгляд, в котором скользнуло раздражение, смешанное со злостью. Он приоткрыл рот, но Йозеф пресёк его одним коротким движением головы. Дверь закрылась, замок щёлкнул. Коридор снова погрузился в прежнюю вязкую тишину, нарушаемую лишь гулом машин и едва уловимым шорохом вентиляции.

Эльза вернулась к койке. Там спал её сын. Мальчик лежал на боку, прижав ладонь к щеке, дыхание было ровным и тихим, а лицо безмятежным. На столике у стены лежала её старая нотная тетрадь, карандаш и аккуратно сложенные бумаги. Она провела ладонью по краю, будто это были каталожные карточки в консерваторской библиотеке, где когда-то работала. Тогда всё было упорядочено и подчинялось ритму. Здесь же царила фальшь. Бумага паспорта была настоящая, печать настоящая, а имя — чужое. «Хартманн» звучало, как фальшивая нота. Она не спорила — только пыталась осмыслить происходящее и нащупать хотя бы слабый путь к спасению, но пока всё оставалось безысходным.

Но годы музыки научили её выдержке и внутренней тишине. Счёт тактов, ритм дыхания, привычка запоминать малейшие колебания. Она прислушивалась к кораблю, словно к партитуре: шаги за дверью звучали как мерный метроном, смена вахтенных матросов на палубе — как смена темпа, гул машин тянулся низким остинато, уходящим в глубину. Когда судно сбавляло ход, она улавливала это так же отчётливо, как музыкант слышит смещение тона на полступени. Она фиксировала каждое изменение, складывала их в память, как в нотную тетрадь. Это и было её сопротивление: она не могла влиять на происходящее, но могла сохранить всё внутри. И сейчас её главная сила заключалась именно в памяти.

Она посмотрела на сына, и сердце болезненно сжалось от тревоги: всё ли с ним будет в порядке, выдержит ли он дорогу и этот, неволей навязанный плен? Он пошевелился, приоткрыл глаза.

— Мама... — прошептал он, словно во сне.

— Спи, — ответила она тихо, склонившись и глядя его по волосам, стараясь вложить в каждое слово уверенность, которой не чувствовала сама. — Спи, милый, я рядом. Здесь, с тобой.

В памяти Эльзы звучали навязанные формулы — «гуманитарная линия», «возвращение на родину». За этими клише ясно чувствовалась жёсткая рука немецкой разведки. Она понимала: ничего хорошего здесь нет — и не может быть: только принуждение и контроль. Она оказалась в самом настоящем плену. В заложниках у своих же, у того государства, которое она считала своей Родиной. Но ради сына она была вынуждена подчиниться, согласиться на чужое имя, на фальшивую роль, лишь бы сохранить ему жизнь.

Она поднялась и подошла к иллюминатору. За стеклом туман ложился сплошными потоками, вода скапливалась каплями, и те стекали вниз, как ноты по воображаемой линейке. Она долго смотрела на это, пока не ощутила: море ведь не пусто. Там, в серой завесе, что-то двигалось рядом. Чужое дыхание, чужой ход, невидимый, но явно существующий. Она не знала, кто это. Но знала другое — её путь ещё не закончился.

Вдруг в коридоре послышались шаги — тяжёлые, размеренные, и щёлкнуло что-то металлическое, будто ставили карабин на предохранитель. Мгновение — и всё закончилось. Тишина вернулась, но напряжение будто стало гуще.

И всё же, несмотря на пережитые события, это было лишь начало.

Позже, вспоминая случившееся, Эльза не раз возвращалась мыслями к этому коридору, к туману за иллюминатором и к тем шагам за дверью. Тогда она ещё не знала, что её заключение на «Норланде» было лишь частью более долгого пути. Пути, начавшегося в Швеции, где она отчаянно искала отца и где сделала первый шаг в западню...

Глава 5.

Мы возвращаемся в недавнее прошлое. Пока в Балтике и Берлине разворачиваются события войны, рассказ переносит нас в Швецию, чтобы увидеть, как жила и боролась Эльза Арефьева. Это её история до того момента, когда пути героев вновь пересекутся.

Августовский день лениво тянулся по улицам Стокгольма. Воздух был тёплым и ясным, но в нём угадывалась тревога последних лет — слишком громко гудели пароходы в гавани, слишком много военных новостей сквозило из газетных киосков. Газетчики выкрикивали заголовки о бомбёжках в Британии, о боях во Франции, и на лицах прохожих сквозила та самая напряжённость, которую не скроешь. Даже нейтральная страна, казалось, была втянута в дыхание войны.

Консерватория на Эстермальме была наполнена сосредоточенным ожиданием: в коридорах слышались шаги учеников, запах смолы и старого дерева, приглушённые голоса. На стенах висели афиши старых концертов: Григ, Брух, Шуберт — теперь они выглядели как напоминания о мирном прошлом, к которому Европа уже не могла вернуться.

Эльза сидела рядом с роялем, поправив прядь волос, и следила за девочкой лет десяти. Маленькая Ингрид старательно подбирала аккорды, но пальцы путались, словно спорили друг с другом. Лоб девочки блестел от напряжения, и она то и дело кусала губу, будто боялась ошибиться.

— Нет, Ингрид, — мягко сказала Эльза, легонько касаясь её плеча. — Не дави так на клавиши. Музыка невозможно приказать. Её нужно отпустить, позволить ей течь свободно, как лёгкий ветер.

Девочка нахмурилась и робко взглянула на учительницу.

— Но тогда всё зазвучит слишком тихо, фру Арефьева...

Эльза улыбнулась — впервые за урок, и улыбка эта осветила её лицо так, что в глазах девочки мелькнула надежда.

— Запомни, моя дорогая: «тихо» — это не значит «слабо». Иногда именно в тишине прячется самая большая сила. Попробуй ещё раз, и послушай, как сами ноты поведут тебя.

Девочка послушно сыграла. Мелодия зазвучала свободнее, и Эльза уловила в ней то тонкое дыхание, которое всегда искала: словно ребёнок сам на миг поверил в себя. Она кивнула, позволив ногам раствориться и повиснуть в воздухе.

В этот момент в дверь постучали. На пороге появилась мать Ингрид — высокая, строгая фру Линд, с аккуратным узлом волос и сумкой под мышкой. Она вошла в кабинет тихо, стараясь не нарушить хрупкое звучание мелодии. На миг задержала взгляд на дочери и учительнице; в её строгих чертах промелькнуло умиление. Затем, подойдя ближе, она несмело окликнула фру Арефьеву:

— Простите, что прерываю, — сказала она по-шведски. — Можно ли забрать Ингрид чуть пораньше? У нас сегодня есть ещё дела, и нужно везде успеть.

Эльза поднялась, и улыбнулась девочке и её матери:

— Конечно, фру Линд. Ты большая молодец, Ингрид. Запомни пожалуйста: музыка — как дыхание. Не задерживай его. Дома повтори эту пьесу и попробуй сыграть начало чуть мягче, а к следующему разу приготовь небольшой отрывок из Сибелиуса — он поможет тебе услышать, как тихая сила превращается в мелодию.

Ингрид расправила плечи, ощущая себя взрослой, и её глаза вспыхнули радостью маленькой победы. Фру Линд учтиво кивнула, достала сложенную банкноту и протянула Эльзе.

— Прошу вас, за прошлый урок, вы тогда забыли взять.

Эльза поколебалась, но приняла деньги, поблагодарив. Мать Ингрид задержалась на миг и добавила, понизив голос:

— Знаете, фру Арефьева... я ценю то, как вы занимаетесь с детьми. Но вам, пожалуй, стоит быть осторожнее. В городе сейчас слишком много чужих глаз, и в последнее время, как мне кажется, к переселенцам стали относиться с большей настороженностью. А у вас такой акцент, что он сразу слышен, и, знаете... люди порой оборачиваются чаще, чем следовало бы. Я просто переживаю за вас, вот и всё.

Эльза побледнела, но сдержала свои эмоции.

— Благодарю за заботу, фру Линд, — тихо сказала она. — Я постараюсь.

— Я вовсе не хотела вас обидеть, — поспешила добавить та. — Просто... время сейчас такое. Надеюсь вы понимаете. Всего доброго.

Они ушли, и классная комната снова опустела. Только запах лака и едва слышный звон струн из соседней аудитории напоминали о прошедшем занятии. За окнами пролетела чайка, её крик перекрыл далёкий гудок парохода.

Выходя в коридор, она поправила шаль на плечах и уже собиралась спуститься по лестнице, когда её окликнул клерк в сером жилете:

— Фру Арефьева! Фру Арефьева! Пойдите. Для вас письмо из Академии наук.

Эльза обернулась и подошла ближе, он протянул конверт и, заметив её дрожащие пальцы, мягко проговорил:

— Надеюсь, там для вас хорошие новости. Хотя, если судить по штемпелю, это, скорее всего, очередной официальный ответ — у них всё выходит чересчур осторожно.

— Посмотрим, — коротко ответила Эльза, стараясь не выдать волнения.

Она взяла конверт с синим штемпелем, ощутив, как дрогнули пальцы. Бумага была плотная, чужая, с резким запахом чернил. Поднявшись снова в класс, она вскрыла его и пробежала глазами следующие строки:

«Уважаемая фру Арефьева, в ответ на ваш запрос от двадцать третьего июля сего года... Стокгольмская Академия наук не располагает конкретными сведениями о профессоре Ф.Е. Арефьеве, и имеющиеся данные нуждаются в уточнении. Просим уточнить, в какой именно академической среде или учреждениях он мог состоять в последние годы, не менял ли он места жительства и есть ли сведения о его возможных научных выступлениях или публикациях после весны тысяча девятьсот тридцать девятого года».

Ни «да», ни «нет», лишь вежливое ожидание. Письмо не приблизило её к цели, а лишь продлеvalo мучительные переживания.

Эльза закрыла глаза, сжимая листок. Ей казалось, что сердце играет свой собственный такт: пауза, короткий аккорд, долгий вздох. И этот внутренний ритм вёл её к дому, туда, где ждал сын — её единственная опора.

Дорога домой пролегла через улицы, где витрины сияли мнимым благополучием: булочные с ароматом свежееиспечённого хлеба, кофейни с неспешными посетителями, модные лавки. Но всё это казалось ей декорацией, за которой пряталась тревога. Каждый второй прохожий держал под мышкой газету, и практически все краем глаза следили за новостями с фронта. Её взгляд то и дело цеплялся за лица мужчин в военной форме, которых и здесь, в нейтральной Швеции, становилось всё больше.

Дома, в маленькой съёмной квартире на окраине, пахло молоком и свежим хлебом. Михаэль, её трёхлетний сын, возился на ковре с деревянным паровозиком, время от времени заглядывая на мать и смеясь — звонко, по-детски. Его смех был для неё единственным насто-

ящим светом в этих днях. Эльза, присев на стул, смотрела на него и думала: вот он — весь её мир.

Она убрала со стола письма — аккуратные стопки, заполненные её запросами. Ответы из комитетов эмигрантов, из архивов, из самой Академии — всё вежливо, но пусто. Словно кто-то нарочно скрывал от неё следы отца. Бумаги лежали ровными рядами, как будто сама её жизнь превращалась в бесконечную череду обращений и отказов.

Мысли возвращались к прошлому: к мужу Отто, которого мобилизовали в армию без его воли, как и многих других. Инженер по образованию, он работал на мюнхенском машиностроительном заводе, любил чертежи и тихую жизнь с семьёй, надеялся, что война пройдёт мимо. Но пришла повестка, и выбора ему не оставили. Он верил, что попадёт в ремонтную часть, но оказался в пехоте и вскоре был отправлен на север — в Норвежскую кампанию. В мае пришла весть о его гибели — короткое официальное письмо с печатями: «*пал смертью храбрых за Рейх...*» — сухая формулировка, которая лишь усилила её горечь, ведь для неё это были не подвиги, а бессмысленная жертва. Она видела его лицо так ясно, будто он только вчера вышел за дверь: наклонился к Михаэлю, пообещал собрать деревянный кораблик, сказал «скоро вернусь» — и это «скоро» так и осталось в воздухе. В памяти всплывали их последние разговоры, его улыбка, его голос, полный тихой уверенности, в котором не было ни капли веры в ту безумную войну. Теперь от него осталась лишь похоронка и фотография в рамке — тонкая бумага и чужие слова, молчаливое свидетельство того, что нацизм отнял у неё мужа, как и у тысяч других женщин. А до этого умерла мать, ещё в тридцать восьмом — после ноябрьских погромов её здоровье быстро пошатнулось, и сердце не выдержало постоянного страха и нервного напряжения. Та утрата была не менее болезненной: дом осиротел, и Эльза впервые почувствовала, как рушится привычный мир. Потери ложились на неё тяжёлым грузом.

Она чувствовала себя чужой в этом городе, даже в этой стране — хоть и нейтральной, но полной скрытых глаз. В магазинах, на улицах, в очередях — её взгляд ловил мимолётные взгляды других. Она знала, что это тень её прошлого. «Mischling», или полукровка — в Германии это слово клеймило её, и теперь оно тянулось за ней и сюда, в Швецию. В её жизни явно ощущалось напряжение, ей то и дело казалось, что вот-вот кто-то обернётся и последует за ней по улице.

Эльза погладила Михаэля по голове, когда он подошёл ближе и прижался к её коленям. Его мягкие волосы щекотали ей ладонь, когда он прижался к ней сильнее. Мальчик поднял на неё ясные глаза.

— Мама, а дедушка скоро придёт? — спросил он вдруг.

Эльза вздрогнула, прикусила губу, опустила взгляд на сына. В горле встал ком, но она собрала в себе силы.

— Мы его ищем, дорогой. Мы обязательно его найдём, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Он улыбнулся и вернулся к игрушкам, катая по полу свой паровозик. Его беззаботность была для неё одновременно радостью и болью: он ещё слишком мал, чтобы понимать, в какой опасный век ему выпало родиться. Она снова подняла глаза на стопку писем. Внутри пульсировала одна мысль: остался лишь отец. Только он мог стать её опорой в этом чужом и страшном мире. И ради него она была готова идти до конца.

Сумерки медленно опускались на город, и вечер вступал в свои права. Эльза закрыла ставни, поправила рубашку на Михаэле и решила пройтись по набережной, пытаясь стряхнуть с себя дневную усталость.

Улицы Стокгольма мягко загорались жёлтым светом фонарей, редкие трамваи звенели, напоминая о ритме большого города, который жил своей жизнью, независимо от её боли и

хлопот. Михаэль вцепился в её руку, и она улыбнулась ему, хотя улыбка больше походила на усталый вздох. Ей казалось: если идти дальше, чем нужно, то можно обмануть собственные мысли. И всё же эта прогулка не была случайной: ещё днём они условились встретиться, и теперь её шаги вели туда, где она знала — будет ждать знакомый силуэт.

Сначала это была простая встреча: в приёмной шведского Красного Креста на Кунгсгатан он уступил ей место у стойки и перевёл две фразы клерку — из-за Михаэля она торопилась и путалась в словах. Потом они пересеклись на набережной недалеко от Академии наук: он подхватил выпавшую из папки справку и проводил их до трамвайной остановки. Случайность повторилась — а значит, стала закономерностью. Он вошёл в её жизнь так же осторожно, как дождь, просачивающийся в трещины мостовой, — не шумя и не требуя ничего. Так начался новый поворот в её жизни.

У моста, где ветер с залива был особенно прохладным, Эльза замедлила шаг и заметила знакомую фигуру. Джеймс Хэнли стоял у перил, подняв воротник тёмной лёгкой куртки, и, увидев её, шагнул навстречу. Он был выше среднего роста, сухощавый; лицо обветренное, скулы резкие, на подбородке тёмная щетина. Светло-серые глаза смотрели прямо и спокойно; движения — мягкие, по-морскому, будто под ногами по-прежнему была палуба. На костяшках рук — тонкие мозоли и пара старых шрамов. Михаэль сразу же вырвался вперёд и, радостно махнув рукой, крикнул:

— Дядя Джеймс!

— Вот и вы, — сказал он по-немецки и улыбнулся, нагнувшись к мальчику. Голос — низкий, с мягким английским оттенком округлостью гласных; говорил экономно, не расточая слов. — Сегодня ты опять обогнал маму.

Он поднял взгляд на Эльзу и кивнул:

— Добрый вечер, Эльза. Рад вас видеть. Вы прекрасно выглядите.

— Добрый, мистер Хэнли, — она улыбнулась, расправила на шее тонкий платок и машинально застегнула верхнюю пуговицу на лёгком плаще. — Благодарю вас. С залива тянет прохладой, вы не находите?

— Терпимо, — он слегка повёл плечами. — Как насчёт прогуляться до конца набережной, а потом заглянуть в то уютное кафе у Слуссена? Там тихо и тепло.

— Я не против. Только застегну Михаэлю кофту, — она наклонилась к сыну. — Он быстро мёрзнет и не признаётся.

— Не признаётся, потому что матросы не жалуются, — подмигнул Джеймс мальчику.

Эльза чуть поправила прядь волос и задержала взгляд, а на губах её мелькнула улыбка — неуверенная, но тёплая, та, что возникает сама собой при встрече с человеком, ставшим близким.

Они шли неторопливо, и Джеймс, как обычно, говорил мало, тщательно подбирая слова. Шёл чуть развернув носки — корабельная походка; под курткой виднелся тонкий шерстяной пуловер.

— Эльза, — он посмотрел не на неё, а на воду, — вы не раз меня спрашивали, чем я занимаюсь на самом деле. Я подумал, что могу поделиться с вами, но ровно настолько, насколько это не поставит вас под удар.

— Вы меня интригуете, мистер Хэнли. Но попробуйте, — она остановилась, всматриваясь в его профиль. — Только давайте договоримся с вами: вы скажите ровно столько правды, сколько готовы сказать сейчас. И чем же вы занимаетесь, Джеймс?

— Я человек, к которому обращаются, когда нужно узнать то, что не пишут в газетах и не выкладывают на прилавки. Но это не полиция и не чиновники. Назовём это... службой, — он чуть усмехнулся, но тут же серьёзно добавил: — Иногда мне приходится идти, скажем так,

обходными тропами и молчать дольше, чем принято. Если совсем откровенно — я работаю на британское правительство, фрау...

— На кого вы работаете? — едва слышным голосом переспросила она.

— На тех, кто понимает: о войне судят не только по числу танков. — Он покачал головой. — Но я вас уверяю, Эльза, вы в полной безопасности и можете довериться мне. Вы не объект моей работы. И этим признанием я рискую больше, чем вы можете себе представить.

Эльза замедлила шаг.

И будто в ответ на его слова о безопасности, у газетного киоска неподалёку стоял человек в сером пальто — газету он держал слишком высоко, закрывая половину лица. Джеймс едва коснулся её локтя: «прямо, не оборачивайтесь». Они прошли мимо как ни в чём не бывало; в отражении обувной витрины Эльза увидела, как серое пальто отлипло от киоска и медленно двинулось следом. *Показалось?* — мелькнуло у неё. Джеймс ничего не сказал; она перевела дыхание и, немного успокоившись, продолжила.

— Но тогда зачем вы здесь? Вам что-то нужно от меня?

— Я знаю о вашей ситуации. Поверьте, не слежу за вами специально. Но я знаю, что вы ищете одного человека. И, так уж сложилось, фрау Эльза, я тоже его ищу. — Он произнёс это спокойным тоном, но глаза его задержались на её лице. — Да, фрау Эльза, я тоже ищу знаменитого профессора Арэфьева. Вашего отца... К сожалению, я не могу поделится с вами причинами, но могу помочь: сверить списки пассажиров из Любека и Копенгагена, проверить карточки Красного Креста, просмотреть портовые ведомости. У меня есть люди, которые умеют заглянуть туда, куда обычного посетителя не пустят. Кроме того, у меня есть знакомые друзья в научных кругах Швеции и Лондона. Но взамен я попрошу только одно: если появится новый след, скажите мне раньше остальных. Это для общего блага, фрау Эльза.

В этот момент Михаэль подбежал к ним, прижимая к груди камешек, и серьёзно спросил:

— Дядя Джеймс, а чайки спят?

— На буйках у входа в гавань, как настоящие матросы, — с улыбкой ответил он, коснувшись плеча мальчика. — Только никому не рассказывай, это морской секрет.

Эльза задержала взгляд на Джеймсе дольше, чем обычно.

— Это всё так неожиданно, мистер Хэнли. Мне приятно, что вы так заботитесь обо мне и готовы хлопотать... Я бы хотела согласиться на вашу помощь, но мне нужно быть уверенной, что с Михаэлем всё будет в порядке. Жизнь приучила меня держать дистанцию, и мне тяжело двигаться дальше без условий. Не обессудьте, мистер Хэнли. И примите как есть. Пообещайте мне: никаких тайн вокруг ребёнка, никаких рискованных шагов за моей спиной; и если что-то будет нам угрожать — вы меня сразу предупредите.

— Хорошо. Я согласен, — ответил он ровно, без резкости. — И тогда у меня будет просьба: расскажите подробно, как вы ищете отца. С чего начали, кто упоминал его фамилию, где могли остаться следы? Нам важна каждая мелочь. Прошу вас.

Эльза не ответила сразу. Она перевела взгляд на Михаэля, затем снова на своего спутника и, глубже вдохнув, словно решаясь, кивнула Джеймсу.

— Хорошо. Вы знаете, сколько я уже здесь? — Она посмотрела на воду. — Хотя, чего я спрашиваю, конечно знаете. Пыталась пробиться через разные инстанции: архив, комитет, один адрес в Старом городе — да в ответ тишина.

Они шли вдоль воды; шаги незаметно сравнялись. До конца набережной оставалось совсем немного, а до кафе у Слуссена — один квартал. По мосту прошёл трамвай, и его звон на мгновение растянул вечернюю тишину.

— Вы знаете, фрау Эльза, в нашей работе есть определённая недосказанность, — внезапно произнёс он. — Но, между нами её будет ровно столько, сколько нужно, чтобы найти вашего отца. Расскажите подробнее за столиком — я вас внимательно выслушаю.

Он вёл её по коротким тропам — как по лабиринту доверия — через тихие дворы, где бельё висело, словно сигнальные флажки, и по мостикам, под которыми вода тянулась к гавани. Несколько минут говорили о пустяках — о лодке у пристани, о тёплом свете в окнах, о том, что до кафе у Слуссена ещё квартал. Он не спешил к главному.

Джеймс размышлял.

В Лондоне фамилия её отца давно была на слуху и в кабинетах; в их бумагах это шло под шифром операции «Сонар». Исследования — гидроакустика, подводное «ухо» — давали то преимущество, за которое на войне платят слишком дорого. Швеция с её витринным нейтралитетом и транзитными коридорами — удобная площадка. Работа шла параллельно здесь и в Берлине: выйти на след самого учёного и его чертежей, сверить лабораторные журналы и переписку, отмечать тех, кто внезапно меняет адреса и круг общения. Все понимали: охота многослойная — со стороны СД, британской разведки и советской резидентуры. Решение профессора Арефьева в области пассивного гидроакустического обнаружения сулило преимущество, способное изменить ход войны.

Размышляя об этом, боковым зрением он снова заметил: невысокий мужчина на противоположной стороне чуть повернул корпус в их сторону; взгляд скользнул мимо и вернулся; в пальцах — сигарета, которую он так и не закурил — и, не меняя шага, Джеймс сохранил этот эпизод в память: время, место и дистанцию. Проверит позже — на обратном пути. Пройдя подозрительного мужчину, он чуть сбавил шаг, подстроился под Эльзу и мальчика.

В кафе у Слуссена было негромко и слегка душно; на стекле играли отражения набережной и редких трамвайных огней, лампы под матовыми абажурами давали мягкий золотой свет. Колокольчик над дверью звякнул, когда они вошли. Джеймс выбрал столик у стены так, чтобы видеть вход; пальто они повесили на крючок, официантка на чистом шведском сказала: «Välkommen». Кофе принесли в тонком фарфоре, с крошечной каннельбуллой на блюде.

— Прошу вас, фрау, — сказал он спокойно. — Расскажите, какой информацией вы обладаете. И мы подумаем вместе. Не торопясь.

Она обхватила чашку ладонями и заговорила издалека — как заполняла карточки, как штампы оставляли на бумаге ровные, чужие круги; как в одной конторе ей посоветовали «подождать ответ из Берлина», а в другой вежливо улыбнулись и убрали папку в дальний ящик. Слова шли неторопливо, сменяясь короткими паузами, чтобы выпить вкусный кофе. Потом, не замечая, как смягчился голос, она вышла из сегодняшнего дня в прошлое: в детской на столе стоял метроном; отец учил её ловить «тишину между ударами», прикладывая ложку к бокалу и говорил, что звук можно услышать не только ушами. Она запомнила его пальцы — в чернилах, с синеватым следом от карандаша у ногтя; и то, как он слушал воду в миске так, будто там была музыка.

— Простите Эльза, я кое-что вспомнил, по поводу академических кругов, — мягко сказал Джеймс. — У меня здесь живёт и работает один хороший знакомый, британец; преподаёт электротехнику в Королевском технологическом институте, — Джеймс достал из записной книжки листок и карандаш, быстро написал адрес и фамилию. — Обратитесь к нему, скажите, что от меня.

— Спасибо, — тихо сказала Эльза.

Она аккуратно сложила записку и убрала её в сумочку — к справкам и письмам.

Он придвинул к ней сахарницу и, подавая салфетку, почти незаметно коснулся её руки; ладонь задержалась на миг дольше, чем требовала вежливость. Она не отдернула.

— Продолжайте, — прошептал Джеймс. — Я вас слушаю.

Эльза кивнула. Пела тихая радиола, стекло над входом чуть дрожало от ветра, и изредка в дверях звенел колокольчик. Она говорила коротко и просто: где была утром, у кого спросила, почему вернулась; и как иногда ей казалось, что ответы уже написаны — только не для неё. Джеймс отвечал так же спокойно и негромко, как и в начале прогулки: любые даты и адреса — он запомнит и проверит; в Лондоне проверят журналы; здесь, в Стокгольме, найдутся люди, которые умеют видеть то, что прячут на нижних полках.

— Вы слишком много для меня делаете, мистер Хэнли, — сказала она, подняв глаза. — Спасибо вам. Я очень благодарна. И не знаю, как вас отблагодарить.

— Ваше присутствие здесь, фрау, это уже огромное счастье для меня. Признаться, честно, вы мне небезразличны, Эльза. Но это, к сожалению, только самая малость того, чем я могу вам помочь, — ответил он мягко. — Вы необыкновенная, Эльза. Берегите себя и Михаэля. — Он сдвинул к краю пустую чашку и убрал со стола лишнюю бумагу. — А я буду рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.